

С. М. Якерсон

РАССКАЗ ОБ ОДНОМ КОЛОФОНЕ

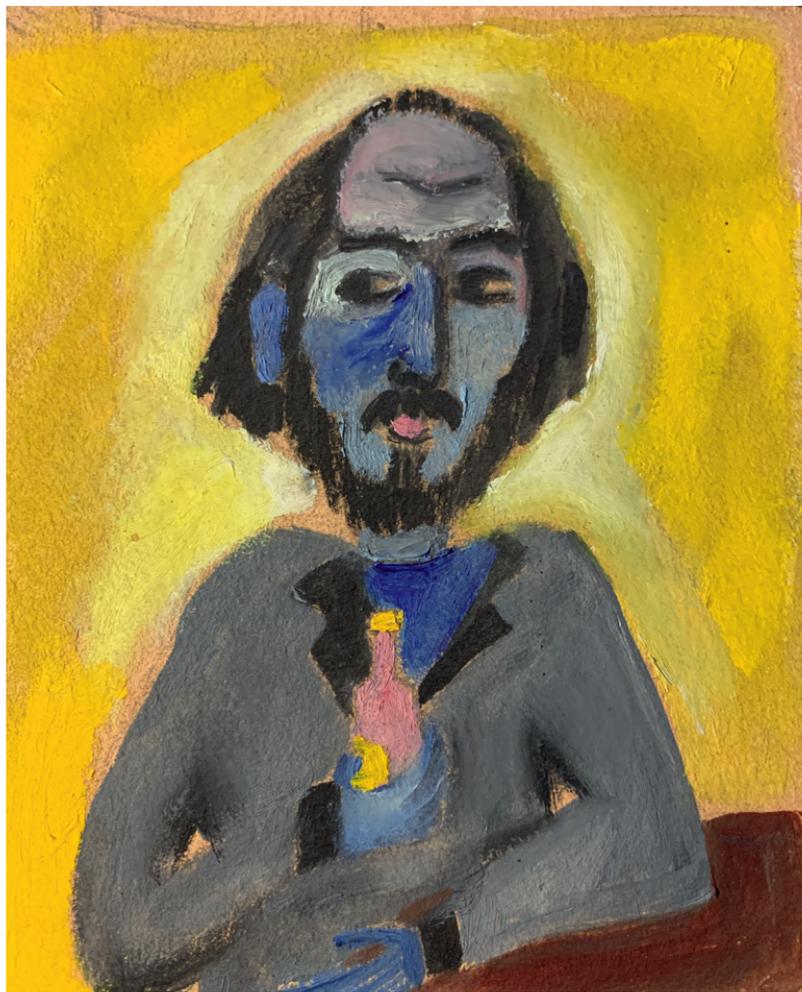
Штрихи к истории еврейской поэзии
и книжной печати

אנשים וישיאם	גדולת מצנןשים	דרוסיס קדושים	חכמים לעשה
נסיכים בתורות	באמרי טהורות	סאול ואמרות	בקהלות תופעה
ואשרת ישרון	נשמיות יארון	בספרי יארון	פטרס בצופה
אזכור נשמיות	כאזרי עלמיות	לרובקע אזמיות	כמוטק ייעשה
לתלה וסלכל	בחסדו בחסכל	וא חי ויסקל	בלע אס גרופה
יסוד הנשמיה	הנעמיה נשמיה	בתל וחקמיה	למעלה נטופה
ענמיה נשמיה	אטמיה סתמיה	קאל היא ועמיה	ובאזול קלענה
אזתיה כלמיות	ואימיות מקומיות	ורגא ואמיות	נמולה לרעה
ראו על ספרים	בתל טוב יקרים	ועמס ישרים	בגטס פמועה
באישאר שלמים	ובנפח נשמים	ותרת מרומים	בקרפס תקופה
נפארת טעו	אמיות תנפון	קפו על וחורון	ידיהם סאופה
אשרכל ילאכתם	עבלה בלכתם	לחסרון משרתם	ובסס גרופה
לפסיא בבל פה	כתבם מיופה	בדיוק מאופה	ועדה פרופה
אור לו	סנת לקמיע	קרא על שמי	קרונה יאופה
נמוס בגלות	קלעים בשלגות	פחוסר ודלות	גרה גרופה
תקי על כפרים	כרי פ אמרים	וערר ערדים	לרנעס פרופה
אלרס ונפא	חמול על חוסם	על אום עמוסם	פרופה בלענה
נכתב בגרה	מארק מלאורה	בחסס גרופה	ונדה וננה
סעג על לחוקה	גבלה רחוקה	מעקה לחוקה	וודק לרעה
יחיה דרומים	בטל מרומים	יגלה סתמיים	

Яков бен Ашер. Йоре де 'а («Обучающий знанию»)
 Йхар, печатник Элиезер Алантанси, 1486–1487. Колофон

«Папа». 1995 г. Дина Якерсон. 12 лет. (Масло, картон)

«Петербургское Востоковедение»

SHIMON M. IAKERSON

A TALE
OF A COLOPHON

An Essay in the History of Hebrew
Poetry and Book Printing

Poetical Translation of the Said Colophon
by Elena Yuzbashyan

St. Petersburg
4 August 2021/ 26 Av 5781

С. М. ЯКЕРСОН

РАССКАЗ
ОБ ОДНОМ КОЛОФОНЕ

Штрихи к истории еврейской
поэзии и книжной печати

Стихотворный перевод колофона
Е. К. ЮЗБАШЯН

Санкт-Петербург
4 августа 2021 / 26 ава 5781

Якерсон С. М.

- Я44 Рассказ об одном колофоне. Штрихи к истории еврейской поэзии и книжной печати. Стихотворный перевод колофона Е. К. Юзбашян — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. — 56 с.

Еврейская светская поэзия на иврите, созданная в соответствии с арабской квантитативной метрикой, возникла в Андалусии в X в. Её расцвет пришелся на XI–XII вв., но в дальнейшем эта стихотворная традиция исчезла, как, собственно, и сама еврейская цивилизация на Пиренейском полуострове. Однако в самые последние десятилетия перед изгнанием евреев из Испании (1492) и Португалии (1497) появились несколько исключительно интересных образцов еврейской поэзии, которые не попали в поле зрения литературоведов. Это поэтические колофоны книг, напечатанных в тот период в еврейских типографиях на Пиренеях.

Краткой истории еврейской квантитативной поэзии, рассказу о еврейском книгопечатании в Испании и анализу одного из поэтических колофонов посвящена эта небольшая книжка.

ISBN 978-5-85803-570-19

*Сделано в России в количестве 150 подарочных экземпляров
издательством «Петербургское Востоковедение»*

*Внукам, детям и их домоладцам:
Яару, Тиму, Дине, Марии, Саше, Меиру и Михаэле —
вдруг кто-нибудь да прочтет...*

*To my grandchildren, children and their households:
To Yaar, Tim, Dina, Maria, Sasha, Meir and Michaela —
perhaps one of them will even read this...*

И Н К У Н А Б У Л Ы (от лат. *incunabula* — «колыбель», «начало») — книговедческий термин, определяющий книги, напечатанные гутенберговским способом до 1 января 1501 г.

К В А Н Т И Т А Т И В Н О Е С Т И Х О С Л О Ж Е Н И Е (от лат. *quantitas* — «количество») — метрическая система, основанная на определенном соотношении долгих и кратких гласных в поэтической строке.

К О Л О Ф О Н (от греч. *κολοφών* — «завершение») — в данном контексте понимается как текст, принадлежащий первопечатнику и фиксирующий завершение работы над изданием той или иной книги.

КАК ВСЕ НАЧАЛОСЬ

Не золоту — свинцу досталась честь
Служить тысячеустно мысли правой...
Тяжелый в словолитчика руке
Свинец, как эльф, порхает налегке,
Не смертной пулей, но крылатым словом
Он от побед спешит к победам новым.

*Георг Гервег. Три песни о Гутенберге
(в переводе Б. Л. Пастернака)*

Сорок лет назад, в стране, которой уже не существует, в городе, который поменял своё название, в научном заведении, которое с тех пор из филиала столичного института превратилось в самостоятельную академическую единицу... Сорок лет тому назад демобилизовавшийся из советской армии танкист, новоиспеченный отец девочки (единственной, с которой отец говорил в том городе на иврите, а может даже — и во всей той стране), преподаватель этого почти запрещенного языка в подпольных *ульпанах*, наконец просто самоуверенный по молодости 25-летний еврей с библиотечным образованием, принятый на временную работу каталогизатора уникального еврейского фонда одной из крупнейших в Европе востоковедных библиотек, подошел к заведующему

и сказал: «Я знаю, что в коллекциях Фридланда* и Хвольсона**, которые сегодня находятся в нашей библиотеке, значились еврейские инкунабулы, и я хочу составить каталог этих книг...».

* Купец первой гильдии, меценат и общественный деятель Моше Арье Лейб (Лев Файвелевич) Фридланд (1826–1899) преподнес свою богатейшую библиотеку еврейских книг «Bibliotheca Friedlandiana» в дар Азиатскому музею Императорской академии наук (сегодня Институт восточных рукописей РАН) в 1892 г. Вместе с коллекцией в дар Музею был передан первый выпуск печатного каталога, в предисловии к которому были перечислены 32 инкунабула из его коллекции.

** Основоположник отечественной школы академической гебраистики профессор Даниил Абрамович Хвольсон (1819–1911) продал свою богатейшую научную библиотеку Азиатскому музею в 1910 г. Библиотека состояла из научных изданий по семиологии на европейских языках и фонда еврейских книг и рукописей. Еврейская часть собрания была описана самим коллекционером в каталоге, который был издан в Вильно в 1897 г. Каталог включал описания 22 инкунабулов из этой коллекции.

Я помню тот разговор, как будто он произошел вчера, помню выражение лица незабвенного Валерия Вячеславовича Полосина (1939–2014), лучшего руководителя, любимого старшего друга, выдающегося знатока арабской книги, очень красивого человека, без которого, скорее всего, ничего в моей профессиональной жизни не случилось бы. Он чуть иронично улыбнулся, подвел меня к нескольким полкам с книгами, на которые я раньше не обращал внимания, и сказал: «Вот они, начинайте!»

На тех полках стояли инкунабулы! Видимо, идея витала в воздухе, и мои предшественники выделили некогда основное количество инкунабулов в отдельное хранение (остальные я нашел позже

сам)¹. И я начал эти книги изучать да по своему разумению описывать...

С тех пор прошла целая жизнь. И, видимо, можно сказать, что издав каталог этого собрания², затем сводный каталог еврейских инкунабулов собраний России³, каталог частного собрания Манфреда и Анны Леманн (Нью-Йорк)⁴, а также каталог самой крупной в мире коллекции еврейских инкунабулов — собрания Еврейской теологической семинарии Америки (Нью-Йорк)⁵, познакомившись *de visu* практически со всеми существующими коллекциями инкунабулов Старого и Нового Света, защитив две диссертации и написав про еврейское книгопечатание в XV в. примерно пятьдесят (а то и больше) статей, я стал, если не инкунабуловедом широкого профиля, то, по крайней мере, специалистом в узкой области еврейской первопечатной книги.

¹ По мнению многолетнего хранителя фонда еврейских рукописей Клавдии Борисовны Старковой (1915–2000), в основном эта работа была проделана гебраистом Юлием Ароновичем Солодухо (1877–1963).

² Каталог инкунабулов на древнееврейском языке библиотеки Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Ленинград, 1985.

³ Еврейские инкунабулы. Описание экземпляров, хранящихся в библиотеках Москвы и Ленинграда. Ленинград, 1988.

⁴ Ohel Hayim. A Catalogue of Hebrew Manuscripts of the Manfred and Anne Lehmann Family. Vol. 3: Printed Books. Incunabula and Sixteenth Century Books. New York, 1996.

⁵ Catalogue of Hebrew Incunabula from the Collection of the Library of the Jewish Theological Seminary of America. Vol. 1–2. New York & Jerusalem. 2004–2005.

Этих изданий, собственно, всего-то 140–150, и, казалось бы, круг тем и сюжетов, связанных с ними, уже должен бы быть исчерпан. Но выясняется, что это далеко не так. В этой небольшой книжечке я хочу рассказать тебе, мой дорогой друг и читатель, об одном забытом явлении культуры — яркой вспышке еврейской квантитативной поэзии периода ее заката, возникшей на фоне недолгого расцвета еврейского книгопечатания в Испании.

ИЗОБРЕТЕНИЕ ЕВРЕЙСКОГО АРУДА

Знайте, что выше поэзии нету,
Чем та, что под небом испанским воспета
И разошлась давно по белу свету.
Так она дорога, в ней одни жемчуга
За нее и офирское золото — ничтожная плата.
Стихи испанцев столь сильны,
Как будто в горниле закалены¹.

Когда еврейская община столичного города Санкт-Петербурга получила в 1869 г. высочайшее разрешение на строительство иудейского храма-синагоги, встал вопрос об архитектурном решении здания. Выдающийся русский художественный критик, искусствовед и общественный деятель Владимир Васильевич Стасов (1824–1906) принял активное участие в обсуждении проекта, несомненно повлияв на его общее эстетическое решение. В статье «По поводу постройки синагоги в Петербурге» он писал: «Но, быть может, еще более правы те, которые, строя нынче

¹ Йехуда Альхаризи. «Тахкемони». Еврейские средневековые плутовские новеллы / Пер. с иврита Владимира Лазариса. М., 2013. С. 83.

еврейскую синагогу, берут для этого арабско-мавританскую архитектуру и в ее великолепных блестящих формах ищут себе вдохновения или образца»². Стасов обосновывал свое предложение тем, что столичная синагога должна напоминать пришедшему помолиться прихожанину не о бедственном положении его братьев, проживающих в нищете и бесправии в черте еврейской оседлости, но о золотом веке еврейской культуры в мусульманской Испании (Андалусии)³.

Если мы серьезно подойдем к вопросу о влиянии арабской цивилизации на еврейскую, то для меня оно прежде всего проявилось в совершенно уникальном культурном явлении — появлении светской поэзии на иврите, построенной полностью по «лекалам» арабской квантитативной просодии.

Возникновение, расцвет и завершение эпохи квантитативной светской еврейской поэзии — исключительное явление в контексте общего развития еврейской культуры. Уникальность этого явления определяется в первую очередь общекультурным контекстом: светская поэзия на иврите зародилась в период, когда всё новое, что входило в еврейскую культуру, создавалось на еврейско-арабском (вариант: иудео-арабском) языке*. С новым для евреев языком в еврейскую культуру пришли новые жанры. На еврейско-арабском

² Еврейская библиотека. Санкт-Петербург, 1872.

³ Несколько отвлекаясь от основной темы, хочу отметить, что Стасов оказался прав — даже сегодня, совсем в другой стране и в совершенно другую эпоху, это здание каким-то образом дарит посетителям ощущение национальной гордости — при виде его твои плечи распрямляются, ты становишься выше ростом и увереннее в себе.

языке функционировали философия и лингвистика, на нем продолжали развиваться такие классические жанры, как экзегетика и религиозное право (*галаха*). Новый язык естественным образом вошел и в плоть ежедневной жизни народа: на нем писались частные письма, составлялись юридические документы, фиксировались различные бытовые события

и т. д. Исключение составляла лишь светская поэзия, которая была, подчеркну это еще раз, совершенно новым явлением в еврейской культуре. Она возникла полностью под влиянием арабской поэзии — с использованием принципов просодии арабской поэзии и с адаптацией присущих ей поэтических жанров. И потому естественно было бы предположить, что «еврейские трубадуры», авторы вакхических песен, эротических виршей, ратных гимнов, любовных элегий или пейзажной лирики, будут не просто вдохновляться арабскими образцами, но и сами создадут оригинальные произведения на еврейско-арабском языке, как это делали еврейские философы и филологи. Однако этого не случилось — язык Святого Писания не уступил на поприще поэзии языку Корана!

Возникновение или, точнее, изобретение новой еврейской поэтической техники связано с именем Дунаша бен Лаврата (X в.). Дунаш бен Лаврат

* Термин «еврейско-арабский» часто используется для обозначения всех форм арабского языка, записанных еврейской графикой, это неоднородное в лингвистическом отношении явление. В хронологическом развитии еврейско-арабского языка выделяют три периода, которые одновременно соответствуют трем основным фазам его развития, а именно: ранний еврейско-арабский (до X в.), классический еврейско-арабский (X–XV вв.) и поздний еврейско-арабский (с XV в. — до наших дней).

* Саадия Гаон (882–942) — выдающийся раввинистический авторитет, философ, экзегет, астроном, поэт и переводчик. Саадия Гаон являлся безусловным духовным лидером своего поколения, главой еврейских академий Вавилонии (сначала в Пумбедите, потом в Суре) и последовательным борцом с караимским расколом. Многоплановое творчество Саадии Гаона оказало глубочайшее влияние на дальнейшее формирование еврейской культуры в целом.

родился в Фесе (Марокко), в юном возрасте учился у великого еврейского мыслителя Саадии Гаона* в Багдаде⁴, в дальнейшем переехал в Андалусию в Кордову. Очевидно, еще в багдадский период Дунаш бен Лаврат сформулировал принципы адаптации еврейского языка к арабской просодии. Он выделил две

категории слогов (краткие и обычные) и разработал основные поэтические размеры, построенные на определенном чередовании этих двух разновидностей слогов. Под краткими слогами Дунаш бен Лаврат понимал слоги, огласовкой которых являются «*ш^eва подвижное* (*sh^ewa mobile*)», «*хатафы*» (хатаф-сегол, хатаф-патах, хатаф-камац) и союз «вав» с огласовкой «шурук». Все остальные слоги он предложил считать обычными. Схематически краткие слоги принято обозначать «лункой» (u), а остальные — горизонтальной чертой (-).

Такая квантитативная метрика подразумевает, что каждая строка-*байт* («дом»; ивр. ל"ב; прямой перевод с арабского языка) имеет конкретное количество кратких и обычных слогов, чередующихся в определенной последовательности. Каждая стихотворная строка, как и в арабской поэзии, обычно разделяется метрически

⁴ То есть он был в Багдаде ранее 942 г. — года смерти Саадии Гаона.

на две равные части. Первая часть строки называется «делет» («врата»; ивр. לָלֵךְ), вторая — «согер» («закрывающий»; ивр. גָּרַס). Как правило, такое стихотворение имеет единую рифму в конце каждого стиха.

Новая квантитативная поэзия не имела ничего общего с библейской просодией, ее можно назвать «еврейским арудом» **. Благодаря этому изобретению еврейская поэзия в предельно короткий срок обогатилась исключительно разнообразными вариантами размеров, а также новыми ритмами, мотивами и темами.

Переезд Дунаша бен Лаврата в Кордову был совершен по приглашению выдающегося еврейского царедворца и мецената, главы евреев Андалусии Хасдая Ибн Шапругты ***. Пребывание при дворе Ибн Шапругты и его могущественное покровительство весьма способствовали быстрому распространению новых поэтических форм и их популярности. Новая поэзия соответствовала интеллектуальным чаяниям арабоязычной еврейской элиты и легла на исключительно благодатную культурную почву.

«Золотым веком» еврейской квантитативной поэзии является период XI–XII вв. В это время «андалусийская диаспора» была самой богатой и динамично развивающейся еврейской общиной в мире. Расцвет

** Аруд (вариант произношения: аруз) — система стихосложения классической арабской поэзии. Принципы аруда основаны на особенностях просодии классического арабского языка, для которого характерны отсутствие значимого ударения и оппозиция долгих и кратких гласных.

*** Хасдай Ибн Шапругта (ок. 915 — ок. 970) — сановник при дворе испанских халифов и глава еврейской общины мусульманской Испании.

* Шмуэль ха-Нагид (993–1055/1056) — выдающийся поэт, галахист, экзегет, грамматист, лексикограф и государственный деятель. Шмуэль ха-Нагид является первым крупным светским поэтом Испании и самым ярким из еврейских политических деятелей Средневековья (визирь и главнокомандующий, a de facto — полноправный правитель Гранады).

** Шломо Ибн Габироль (ок. 1021–1022 — между 1052 и 1055) — выдающийся еврейский поэт и философ. Ибн Габироль известен как тонкий лирик и глубокий литургический поэт, впервые применивший в синагогальной поэзии приемы квантитативного стихосложения. Философская поэма Габироля «Кетер малхут» («Венец царствия») является вершиной поэтического творчества Ибн Габироля и одним из самых глубоких произведений еврейской духовной поэзии.

светской лирики связан с именами Шмуэля ха-Нагида *, Шломо Ибн Габироля **, Моше Ибн Эзры ***, Иехуды ха-Леви **** и их многочисленных современников. В «золотой век» значительно расширилось жанровое разнообразие светской поэзии, увеличилось количество размеров и их вариативность (внутри одного размера).

Дунаш бен Лаврат, его последователи и поэты «золотого века» разработали двенадцать основных размеров, современные названия которых на иврите калькируют их арабские аналоги⁵:

1) *ха-меруббе* (ивр. המרובה, арабский аналог: вафир, евр.-араб. واפר).

Схема: u - - - u - - - u - - - / u - - -
u - - - u - - - //

2) *ха-марнин* (ивр. המרנין,

арабский аналог: хазадж, евр.-араб. 'הזג).

Схема: u - - - u - - - u - - - / u - - - u - - - u - - - //

⁵ Размеры указаны в соответствии с их перечислением в хрестоматии Хаима Ширмана: Jefim Schirmann. Hebrew Poetry in Spain and Provence. Vol. 2. Jerusalem, 2006. P. 722–724. Указаны лишь базовые размеры.

3) *ха-шалем* (ивр. השלם, арабский аналог: камиль, евр.-араб. כאמל).

Схема: - - u - / - - u - / - - u - //

4) *ха-махир* (ивр. המהיר, арабский аналог: сари, евр.-араб. סריע).

Схема: - - u - / - - u - / - u - //

5) *ха-миткарев* (ивр. המתקרב, арабский аналог: мутакариб, евр.-араб. מותאקרב).

Схема: u - - u - - u - - u - - //

6) *ха-арох* (ивр. הארוך, арабский аналог: тавиль, евр.-араб. טויל).

Схема: u - - / u - - - / u - - / u - - - //

7) *ха-митпашет* (ивр. המתפשט, арабский аналог: ба-сит, евр.-араб. בסיט).

Схема: - - u - / - u - / - - u - / - u - //

8) *ха-кал* (ивр. הקל, арабский аналог: хафиф, евр.-араб. כ'פיר).

Схема: - u - - / u - u - / - u - - //

9) *ха-калуа* (ивр. הקלוע, арабский аналог: рамаль, евр.-араб. רמל).

Схема: - u - - / - u - - / - u - //

10) *ха-камуа* (ивр. הקטוע, арабский аналог: муджтасс, евр.-араб. מוג'תת).

Схема: u - u - / - u - - //

*** Моше Ибн Эзра (1055?–1135?) — выдающийся литургический поэт (пайтан), светский лирик и литературовед. Как литургический автор Моше Ибн Эзра особенно прославился в жанре селихот (стихотворений-покаяний). Светская лирика поэта отличается исключительным метрическим и тематическим многообразием. Ибн Эзра является автором первого теоретического труда в области еврейской поэтики «Китаб ал-мухадара в-ал-музакара» («Книга бесед и воспоминаний»).

**** Иехуда ха-Леви (до 1075–1141?) является самым известным еврейским поэтом «золотого века» и одной из наиболее значимых фигур еврейской культуры. Поэтическое наследие ха-Леви (сохранилось около восьмисот светских и литургических произведений) собиралось в течение длительного времени, можно сказать, по крупным; в этом процессе важнейшую роль сыграли рукописи из собрания Российской национальной библиотеки, которые впервые были введены в научный оборот публикациями А. Я. Гаркави в 1893–1894 гг.

* Иехуда бен Шломо Бен ал-Харизи (Алхаризи) (ок. 1070–1125) — переводчик (с арабского на иврит), поэт и путешественник. Главной литературной заслугой Алхаризи является привнесение в еврейскую литературу жанра макамы. Сначала Алхаризи перевел на иврит под названием «Махберот Итиэль» («Макамы Итиэля», ивр. מַחְבְּרוֹת אִתְיֵאל) собрание макам знаменитого арабского писателя Абу Мухаммеда ибн ал-Касима ал-Харири (1054–1122), а позднее написал собственный оригинальный сборник макам «Тахк^емони» («Вразуми меня») (II Сам. 23:8), ивр. תַּחְמוֹנֵי). Этот сборник макам был составлен в период длительного путешествия Алхаризи по Ближнему Востоку, приблизительно в 1220 г. Virtuозное владение языком, многообразие тем и образов, смена мест повествования превратили сборник «Тахкемони» в одну из самых популярных книг еврейского Средневековья.

11) *ха-дохер* (ивр. הַדוּחֵר, арабский аналог: мунсарих, евр.-араб. מוֹנְסָרִיחַ).

Схема: - - u - / - u - u / - - u - //

12) *ха-тену'от* (ивр. הַתְנוּעוֹת). Последний размер не имеет арабского аналога. Он построен на созвучии одних только долгих гласных. Слова, содержащие краткие гласные, в таких стихах не употребляются.

Схема: -- / -- / -- / -- //

Однако после XII в. интерес к квантитативной поэзии постепенно уменьшается, ее частично вытесняет новый, также заимствованный у арабов жанр *макам* — плутовских

новелл, записанных чередованием ритмической прозы и стихотворных вкраплений. Ярчайшими представителями этого жанра являются Иехуда Алхаризи* и Ицхак Ибн Сахула**. Наверное, можно сказать, что интерес к светской поэзии уменьшался вслед за политическим и экономическим ухудшением положения еврейской общины и постепенным перемещением еврейского населения в христианские части полуострова. Этот процесс происходил одновременно с расширением границ христианских королевств. Ре-

конкиста набирала силу, и христиане вытесняли мусульман с Пиренеев. Поворотным событием в этом затянувшемся на века процессе принято считать битву при Лас-Навас-де-Толоса 16 июня 1212 г. В ней объединённые силы католических королевств одержали стратегическую победу, которая подорвала влияние Альмохадов*** и со временем привела к окончанию мусульманского владычества на Пиренейском полуострове. Первый этап т. н. «христианского» периода существования еврейской общины на Пиренеях мало чем отличался от «исламского» — арабский язык и арабские культурные коды продолжали быть основой развития культуры. Однако постепенно положение евреев начинает ухудшаться

** Ицхак бен Шломо Ибн Сахула (1244 — после 1284) — каббалист, экзегет и врач. Биографические сведения о нем практически отсутствуют. Большая часть жизни Ибн Сахулы прошла в скитаниях по христианской Испании в период правления Альфонса X Мудрого (король Кастилии и Леона с 1252 по 1284 гг.). В 1281 г. писатель находился в Египте, определенный период времени провел в Гвадалахаре. Главное сочинение Ибн Сахулы — «Мешал ха-кадмони» («Притча древнего», ивр. משל הקדמוני), сборник нравоучительных басен, написанных в жанре животного эпоса в период между 1281–1284 гг. Структурно сборник копирует композицию известных произведений этого жанра (например «Калила и Димна»), но содержательно возвращает нас к тематике классических памятников иудаизма. «Притча древнего» написана рифмованной прозой (в форме макама).

*** Берберская династия Альмохадов (араб. الموحّدون) контролировала те или иные части Пиренейского полуострова в период с середины XII в. по середину XIII в. Последние крупные оплоты Альмохадов (Кордова и Севилья) были захвачены христианами соответственно в 1236 и в 1248 г. Испания практически полностью была отвоевана христианами. Исключение составил последний оплот мусульманства на Пиренеях — Насридское княжество в Гранаде (Гранадский эмират), просуществовавшее вплоть до 1492 г.

и в XIV–XV вв. выглядит уже не столь устойчивым. В 1391 г. по всему Иберийскому полуострову прокатилась волна кровавых погромов и, как их следствие, волна принуждения к массовому насильственному крещению еврейского населения. Экономическое ухудшение положения общины и кровавые погромы, как правило, способствуют развитию мистического восприятия современности и распространению мессианских настроений, которые скорее находят отражение в произведениях литургической поэзии, а не в светской лирике. Казалось бы, эпоха жанра светской квантитативной поэзии закатилась навсегда.

Однако через сто лет, буквально в последние десятилетия перед изгнанием евреев из Испании (1492) и Португалии (1497), квантитативная поэзия неожиданно пережила последний взлет на Иберийском полуострове. Настоящий взлет оказался совершенно незамеченным в истории развития литературы на иврите — небольшая моя книжечка станет первой попыткой осмысления данного явления в контексте развития литературы на иврите периода позднего Средневековья.

Столь яркая вспышка квантитативной поэзии на Иберийском полуострове была непосредственно связана с возникновением здесь еврейского книгопечатания.

ЕВРЕЙСКОЕ КНИГОПЕЧАТАНИЕ В XV В.

Я мудрости вернейшая опора,
во мне начало тайны и конец.
Зачем пером вычерчивать узоры?
Мне не нужны чернила и писец —
Рисует краска, скрытая от взора,
без разлиновки за столбцом столбец.
Когда писцов восславила Дебора,
она ведь поступила, как слепец:
Увидь меня, — на голову, без спора,
меня бы возложила, как венец.

*Фрагмент колофона из четвертой части
«'Арба 'а турим» (Пьове-ди-Сакко, 1475)
Якова бен Ашера (в переводе Н. М. Голя)*

Период инкунабулов применительно к еврейской книге измеряется всего лишь тремя десятилетиями. В этот чрезвычайно короткий исторический период еврейское книгопечатание существовало в Италии, Испании, Португалии и Турции (в соответствии с сегодняшним политическим делением) как минимум в 18 местах: в Италии — Рим, Пьове-ди-Сакко, Реджо-ди-Калабрия, Мантуя, Феррара, Болонья, Сончино,

Казальмаджоре, Неаполь, Брешия, Барко; в Испании — Гвадалахара, Ихар, Самора; в Португалии — Фару, Лиссабон, Лейрия; в Турции — Константинополь.

Еврейские инкунабулы представляют собой совсем небольшую группу из приблизительно 150 изданий, что составляет менее 0,5 % всех изданий инкунабульного периода. Однако значение еврейских инкунабулов для становления европейского книгопечатания и понимания еврейской духовной жизни в Европе эпохи Возрождения трудно переоценить. В контексте общей истории книгопечатания важно отметить, что еврейские инкунабулы были первой группой изданий, напечатанных не в латинской графике; именно с издания еврейских книг началась общая история книгопечатания Португалии и Турции; в Пьеве-ди-Сакко, Реджо-ди-Калабрия, Сончино, Казальмаджоре, Барко, Гвадалахаре, Ихаре, Саморе, Фару, Лейрии и Константинополе еврейские типографии были единственными очагами книгопечатания в XV в.

Для понимания еврейской культуры этого периода исключительно важен анализ репертуара еврейских первопечатных книг как наиболее точного указателя основных направлений развития книжного рынка и, соответственно, духовных потребностей читающей публики второй половины XV — начала XVI в.

Из изданий инкунабульного периода до нас дошло около 2000 экземпляров и фрагментов, хранящихся в публичных депозитариях, и несколько сотен экземпляров и фрагментов, хранящихся в частных собраниях. Некоторые издания сохранились в единственном экземпляре, и нет сомнения в том, что некоторые издания не сохранились вовсе.

Возникновение еврейского книгопечатания ставит перед исследователем много вопросов, ответы на которые отнюдь не очевидны или же неочевидны на сегодняшнем этапе развития данной научной дисциплины: мы до сих пор не знаем, какая книга была напечатана первой — когда и кем; загадкой остается последовательность выхода изданий в определённых типографиях (например, в типографиях Рима, Мантуи, Гвадалахары); существует корпус изданий, чья принадлежность к периоду поздних инкунабулов или ранних палеотипов (т. е. изданий первой половины XVI в.) вызывает сомнения; нам не всегда понятно распределение профессиональных обязанностей внутри типографии (например, в типографиях династии Сончино); нет единого мнения в вопросах локализации и датировки единичных изданий, напечатанных без выходных данных и шрифтами, которые не повторяются в датированных книгах; не всегда ясно, историческими, мифическими или псевдоисторическими являются некоторые герои первопечатной «саги» и т. д. Список вопросов можно продолжать и продолжать...

ЕВРЕЙСКОЕ КНИГОПЕЧАТАНИЕ В ИСПАНИИ

Сегодня принято считать, что родиной еврейского книгопечатания является Италия, и датировать это событие следует приблизительно 1469–1470 гг. Вероятно, в это же время или буквально парой лет позднее еврейское книгопечатание появилось в Испании. Во вся-

* Шломо бен Ицхак (акроним: Раши; 1040–1105) — крупнейший раввинский авторитет Средневековья, комментатор Библии и Талмуда. Комментарии Раши отличаются тщательным филологическим анализом, в них найден «здоровый» компромисс между буквальным и аллегорическим толкованием. Они стали неотъемлемой частью религиозных изданий данных памятников.

ком случае, первые датированные книги появились в Италии и в Испании с разницей в один год (соответственно, в 1475 и в 1476 гг.). В Испании еврейские типографии существовали в трех городах — в Гвадалахаре, Ихаре и Саморе.

Самая ранняя еврейская книга с указанием даты

в колофоне — комментарий Шломо бен Ицхака (Раши)* к Пятикнижию — увидела свет в Гвадалахаре в 1476 г.¹ Издание сохранилось всего в одном экземпляре (хра-

¹ Гвадалахара, печатник Шломо бен Моше ха-Леви Алкабец, 16 элула (5)236 (5.IX.1476).

нится в «Biblioteca Capitolare» в Вероне). Нет сомнения в том, что это если не первый, то один из самых первых образцов еврейской печати на Пиренеях. Об этом свидетельствуют как относительно несовершенная (в сравнении с другими) форма набора, так и слова самого печатника, сетующего на низкий профессиональный уровень своих подмастеров, который вырос (и значительно) лишь к концу работы над книгой. Это подтверждают следующие слова в колофоне (строки 11–14):

כתיבה ברה בהתחלה מנעוני הפועלים כי קצרה ידיעתם לא כרצוני
עד קם עליהם דבורה והותקנו אז בלשוני על כן היה לי לתפארה
האחרון אחרוני.

Перевод: «Точной печати в начале лишили меня подмастерья, ибо знания их [в данном ремесле] были малы и не соответствовали моему желанию, пока не прислушались они к речению моему и не исправились по слову моему. И тогда стали во славу мне последние [части книги]».

Смысл того, что хотел сказать печатник, ясен: сначала наборщики, как и положено новичкам, не справлялись с работой, но набрались опыта и значительно улучшили качество набора в последних тетрадах, что, кстати, заметно даже по фотографиям.

Шломо Алкабец издал достаточно много книг² (некоторые из них сегодня уникамы или сохранились

² Выдающийся нидерландский инкунабуловед др. Адри Оффенберг (Adri Offenberg) в справочнике Hebrew Incunabula in Public Collections (Nieuwkoop, 1990) учитывает 15 изданий (p. 187).

* Яков бен Ашер (ок. 1270 — ок. 1340) — выдающийся талмудист и галахический авторитет. Яков бен Ашер учился преимущественно у своего отца, Ашера бен Йехиеля Ашкенази (ок. 1250 г. — 1327), и сформировался как галахист в Германии. Однако в 1303 г. он вместе с отцом переехал в Толедо, где, отказавшись от каких-либо официальных должностей, всецело посвятил себя галахическим штудиям. Главным трудом Якова бен Ашера является 4-х томный компендиум «'Арба'а турим» («Четыре раздела/столбца»; ивр. ארבעה טורים). Четкое изложение материала и ориентация на широкую читательскую аудиторию (что выражается, прежде всего, в удачном сочетании сефардской и ашкеназской традиций) сделали «Турим» самым популярным галахическим сочинением XIV–XV вв. Яков бен Ашер разделил всю *галаху* на четыре раздела, каждый из которых имел внутреннюю организацию самостоятельной книги: 1) «'Орах хайим» («Образ жизни»; ивр. אורח חיים) — правила повседневной жизни, законы молитв, соблюдения субботы, праздников, постов и т. д.; 2) «Йоре де'а» («Обучающий знанию»; ивр. יורה דעה) — законы ритуальной чистоты, кашрута, правила забоя скота и птицы и т. д.; 3) «'Эвен ха-'эзер» («Основа помощи»; ивр. אבן העזר) — законы гигиены, семейное право; 4) «Хошен ха-мишпат» («Облачение закона»; ивр. חושן המשפט) — гражданское законодательство.

лишь в виде фрагментов), но лишь три его издания датированы, то есть до некоторой степени очерчивают хронологические рамки его книгопечатной деятельности. Это упоминавшийся выше комментарий Шломо бен Ицхака 1476 (?) г., один из «туров» Якова бен Ашера * 1480 г.³ и комментарий Давида Кимхи ** к Поздним Пророкам 1490 г.⁴ Повторю, что на сегодняшнем этапе развития науки у нас нет никаких доказательств того, что 1476 и 1490 гг. являются датами начала и конца деятель-

Мне удалось исследовать *de visu* книги и фрагменты 12 изданий.

³ Яков бен Ашер. Хошен ха-мишпат («Облачение закона»). Гвадалахара, печатник Шломо бен Моше ха-Леви Алкабец, 22–27 тевета (5)241 (24–30.ХІІ. 1480).

⁴ Давид Кимхи. Перуш Н'ви'им 'ах'роним (Комментарий к Последним Пророкам). Гвадалахара, печатник Шломо бен Моше ха-Леви Алкабец, (5)242 (1482).

ности этого типографа; с моей точки зрения, также нет никакой возможности определить последовательность выхода в свет остальных изданий (недатированных или сохранившихся лишь в виде фрагментов).

Еще одним местом, в котором существовала еврейская типография, был кастильский город Самора (Zamora). О времени возникновения в Саморе еврейского книгопечатания мы имеем лишь самое смутное представление. Сохранился всего один экземпляр из единственного издания — уже упоминавшегося выше комментария Шломо бен Ицхака на Пятикнижие ***. Издание датированное, но дата, переданная в колофоне в виде гематрии букв слова זמרז («песнопение»), оставляет нам два возможных варианта года: наиболее вероятной является дата по малому

счету, т. е. (5)252 (1492 г.), менее вероятна, но все же возможна, дата по большому счету, т. е. 5247 (1487 г.).

** Давид бен Иосеф Кимхи (акроним: Радак; 1160?–1235?) — эссеист, лексикограф и грамматист, представитель семьи знаменитых переводчиков с арабского языка на иврит. Его комментарии к различным библейским книгам, построенные на принципах филологического анализа текста, пользовались большой популярностью в Средние века.

*** Шломо бен Ицхак. (Раши). Комментарий к Пятикнижию. Самора, печатник Шмуэль бен Муса, (5)247(?) или (5)252 (1487?? или 1492). Позволю себе вкратце остановиться на истории единственного сохранившегося экземпляра. Экземпляр принадлежал итальянскому библиографу и коллекционеру Леону Саравалу (1771–1851, Leon Vita Saraval), в 1853 г. библиотека семьи Саравал была приобретена Еврейской теологической семинарией Бреслава (совр. Вроцлав, Польша). Библиотека Семинарии была варварски разграблена в период нацистской оккупации, и книга долгие годы считалась безвозвратно утерянной. В 1950 г. экземпляр «объявился» на книжном рынке в США и был приобретен Л. Рабиновичем для библиотеки Еврейской теологической семинарии в Нью-Йорке.

Существенно, что в колофоне книги печатник, Шмуэль бен Муса (שמואל בן מוסה), отмечает, что это его третья работа: «בראשית גם תפלות אל עשויים שלישי ראש לביאור רב» («Бре'шит» [т. е. Пятикнижие], так же «молитвы Господу» [то есть молитвенник] изготовлены, третья [книга] — главный комментарий учителя Шломо). Соответственно, дата завершения печати отдалена от периода становления самой типографии. Кстати, в этом колофоне мы находим очередное описание самого процесса печати, которое еще раз показывает, в чем сами мастера видели принципиальное отличие печатного метода изготовления книг от работы переписчика.

Вот этот текст:

הלא נכתב באין אצבע מרובע בלי שרטוט בקו ישר בתומו. עלי דין
נייר שלא כדרך ואל עלה עלי קולמוס מקומו.

Перевод: «Ведь написано без пальца квадратно, без разлиновки линией прямой исключительно. На чернила бумага [положена], а не как принято [в рукописи, т. е. когда чернилами пишут по бумаге] и листа место над пером».

Я,
ЭЛИЕЗЕР
БЕН
АВРААМ
АЛАНТАНСИ

Третьей и последней из точно известных нам сегодня «остановок» на пути еврейского книгопечатания в Испании стал центральный город лишь недавно образовавшегося (1483 г.) герцогства в составе Арагонского королевства Ихар (Hijar, Ixar). В этом городе с небольшой еврейской общиной работала, пожалуй, самая удивительная еврейская типография XV в. — типография коммерсанта и врача из Мурсии Элиезера бен Авраама Алантанси. Как уже отмечалось выше, никаких других очагов книгопечатания в Ихаре в XV в. не существовало.

Сегодня нам известно пять напечатанных там книг: два первых раздела («тура») компендиума Якова бен Ашера, два Пятикнижия и одно издание «Последних Пророков». Из этих пяти изданий четыре датированы; соответственно, датами выхода в свет самой ранней и самой поздней из этих книг условно и ограничивается периодизация работы ихарской типографии: первый «тур» был завершен

в августе-сентябре 1485 г.⁵, а одно из Пятикнижий — в июле-августе 1490 г.:⁶

1) Яков бен Ашер. [’Арба’а турим]. ’Орах хаййим («Путь жизни»). Элул (5)245 (12.08–9.09.1485). 2⁰. 169 л. Структура тетрадей: [1⁸, 2¹¹⁼¹⁰⁺¹, 3–17¹⁰];

2) Яков бен Ашер. [’Арба’а турим]. Йоре де’а («Обучающий знанию»). (5)247 (1486–1487). 2⁰. 138 л. Структура тетрадей: [1–4¹⁰, 5–16⁸];

3) (Biblia Hebraica) Поздние Пророки. 1486/87. 4⁰ или 2⁰;

4) (Biblia Hebraica) Пятикнижие с отрывками из книг Пророков и пятью свитками. Без года [1487–1488?]. 4⁰;

5) (Biblia Hebraica) Пятикнижие с переводом на арамейский язык и комментарием Шломо бен Ицхака. Корректор Авраам бен Ицхак бен Давид, для Шломо бен Маймона Залмати, ав (5)250 (19 августа — 17 сентября 1490). 2⁰. 265 л. Структура тетрадей: [1–32⁸, 33⁹⁼⁸⁺¹].

Все издания Алантанси отличаются удивительным изяществом. Это относится и к форме букв, и к верстке, и к элементам декора. В изданиях использованы шрифты, копирующие форму букв квадратного и полукурсивного сефардского письма. На пространстве одного листа исключительно умело расположены разные тексты, набранные разными шрифтами так,

⁵ Яков бен Ашер «’Орах хаййим» («Путь жизни»). Ихар, печатник Элиезер бен Авраам Алантанси, элул (5)245 (12.08–9.09.1485).

⁶ (Еврейская Библия). Пятикнижие с пер. на араб. яз. (Таргум Онкелос) и ком. Раши. Ихар, печатник Элиезер бен Авраам Алантанси, ав (5)250 (19.07–17.08. 1490).

что общее поле страницы выглядит совершенно гармонично. И особенно выделяются эти издания использованными в них элементами декора: рамками, буквицами и заставками с элементами растительного или зооморфного орнаментов⁷.

Об Элиезере Алантанси нужно добавить, что он был первым (и в XV в. единственным) еврейским типографом, имевшим свой «фирменный» типографский знак — щит с изображением стоящего на задних лапах льва. Символику этого «герба» можно трактовать по-разному. Стоит лишь отметить, что лев ассоциируется в еврейской традиции с коленом Иуды (Быт. 49:9), к которому принадлежал царь Давид (из его рода выйдет Мессия) и от которого вело свою условную родословную сефардское еврейство.

⁷ В данной книге использованы элементы декора из изданий Алантанси.

КОЛОФОН КОЛОФОНОВ

Три колофона написаны Элиезером Алантанси в виде квантитативных стихотворений и являются прекрасной иллюстрацией возрождения (или последнего взлета?) светской поэзии в Испании. Я затрудняюсь однозначно определить поэтический жанр колофонов Алантанси. В классическом аруде (как арабском, так и еврейском) существовал жанр так называемой обучающей, или дидактической, поэзии «ширей лиммуд» (ивр. שירי לימוד), который предназначался для передачи профессиональных навыков или систематизации тех или иных знаний, сформулированных поэтическим языком. Однако Элиезер Алантанси не пытается передать нам свои знания типографа, не раскрывает секретов собственного мастерства и не описывает последовательности действий — от отлития литер до завершения печати. Наверное, нельзя отнести эти вирши и к жанру «личных» («шира 'ишит»; ивр. שירה אישית) стихотворений, т. к. их автор не делится с нами личными переживаниями в процессе изготовления столь совершенного чуда, как первопечатная книга. Возможно, подобные тексты составляли особый жанр «книговедческой» поэзии, который включает как библиографические данные (место, время и имя печатника), так и элементы классической касыды с прославлением Господа и данной книги как деяния Его воли.

Для иллюстрации рассказа о еврейской поэзии и возникновении книгопечатания я выбрал наиболее сложный с точки зрения поэтической просодии колофон издания «Обучающего знанию» 1487 г.

Особенности данного колофона можно сформулировать следующим образом:

- это единственный из всех квантитативных колофонов, который написан исключительно сложным размером *ха-миткарев*;

- внутри данного размера автор выбрал усложненную структуру «четырёхгранника» («мерубба⁴»; ивр. מרובע): каждый *байт* разбивается на четыре части; части первая, вторая и третья рифмуются между собой, четвертая часть оканчивается единой «опоясывающей» рифмой всего стихотворения; эта конечная рифма обусловлена согласной «айин» (ע) и женским окончанием «а» (ה);

- колофон написан в форме акростиха с именем автора:

יני אליזר בן אלמנטסי (Я, Элиезер бен Алантанси);

- все рифмы, как внутренние, так и опоясывающая, являются сложными; в них рифмуются два и более слогов;

- в тексте стихотворения есть элементы омонимической игры слов (т. е. когда используются слова с одинаковым написанием и различным значением);

- в отдельных строках использована аллитерация, придающая строке особый ритм;

- в тексте используются элементы мозаичного стиля, т. е. когда в ткань стихотворения вплетаются прямые цитаты или парафразы из Библии;

- год издания книги указан в виде хронограммы с использованием библейского стиха.

Колофон включает следующие элементы: обращение к мудрецам-книгочеям, хвалу Всевышнему, призыв обратить внимание на данную книгу и поддержать богоугодное дело книгопечатания, выходные данные, описание бедствий и скитаний еврейского народа в диаспоре, надежду на скорейший приход избавления, а также завершающее обращение к Господу с просьбой о милости и о вразумлении заблудшего народа.

КОЛОФОН

הפצים לדעה	דרושים קדושים	גדולות מבקשים	א'נשים ישישים	1.
בקולות תרועה	שאו נא זמירות	באמרי טהרות	נ'סיכים בתורה	2.
פני רם צנועה	בספרי ישרון	נשמות ישרון	י'שועות ישרון	3.
כנוטה יריעה	לרוקע אדמות	בשירי עלמות	א'שורר נעילות	4.
בלי שום גרועה	ואל חי ויכול	בחסדו באשכול	ל'תולה זבול כל	5.
למעלה נטועה	בדת אל וחכמה	תמימה נעימה	י'סוד הנשמה	6.
ובשאו קלועה	הלא היא זעומה	אטומה סתומה	ע'גומה נשמה	7.
גמולה לרעה	ורגז וחמות	ואימות מהומות	ז'כותה כלמות	8.
בנפש פרועה	ועמם ישרים	בכל טוב יקרים	ר'או נא ספרים	9.
בקרבם תקועה	ותורת מרומים	ובדפוס נעימים	ב'אישאר שלמים	10.
ידיהם שסועה	קנו נא וחזקו	אשמות תנקו	נ'פשות תזכו	11.
וכיסם גדועה	לחסרון משרתם	עצלה בלכתם	א'שר כל מלאכתם	12.
ועתה פרועה	בדיוק משופה	כתבם מיופה	ל'נס היא לכל פה	13.
קרובה ישועה	קרא נא בימי	שנת להמוני	א'ור' ל'י יין	14.
כנדה צרועה	בחוסר ודלות	הלומים בשפלות	נ'דודים בגלות	15.
לארצם תנועה	ועורר עדרים	פרי פי אמרים	ת'הי נא ספרים	16.
פרוצה קרועה	עלי אום עמוסה	חמול נא וחוסה	א'לי רם ונשא	17.
טרופה בלועה	באפס גבורה	מארה מאורה	נ'כאה בצרה	18.
ונדה ונעה	מצוקה לחוקה	גבולה רחוקה	ס'עד נא דחוקה	19.
ויררה לדעה	יגלה סתומים	בטלי מרומים	י'מיה רדומים	20.

Построчный комментированный перевод:

**1. Люди-мудрецы, /возвышенное ищущие / [и]
толкования святые, / стремящиеся к знанию, //**

Существительное м. р. мн. ч. מַשְׁפִּי, которое здесь переводится словом «мудрецы», принято переводить (например, в Синодальном переводе Библии) словом «старцы». Оно встречается в Библии четыре раза, но лишь в одной книге Иова (12:12, 15:10, 29:8, 32:6). В этом байте аллитерация с акцентом на шипящий звук «ш», который повторяется во всех трех внутренних частях. Внутренняя рифма מַשְׁפִּי (шим). Последнее слово байта, которое задает рифму всему стихотворению, отсылает нас к названию самой книги.

**2. Князя Закона, / в словах чистых / вознесите-
ка песнопения / с восклицаниями радости! //**

«Князя» в смысле «знатоки». Словосочетание קול תרועה является библейским парафразом, который может переводиться как «громогласные звуки» (например, Иез. 21:27) или как «радостные восклицания» (Эзр. 3:13). Внутренняя рифма תרועה (рот). Интересен сбой рифмы в первой части «четырёхгранника» (без нарушения размера) — «тора» (сущ. ед. ч.) вместо «торот» (сущ. мн. ч.; «законы», «учения»). Однако использование множественного числа явилось бы грубым смысловым нарушением, которое могло быть понято как отсылка к законам или наукам вообще вместо иудейского Закона. Таким образом, автор отступил от правил версификации в пользу правильного смысла строки.

3. Спасения воспоют / души Израиля, / в книге этой узрят / лик Возвышенного сокрытый. //

В этом байте используются приемы омонимической поэзии: первая часть (с минимальным изменением) — שִׁירוּן («они воспоют») с использованием древней библейской формы окончания; вторая часть — יִשְׂרוּן — синоним еврейского народа, дважды встречающийся в Библии (Втор. 32:15, 33:26); третья часть שִׁירוּן («они увидят») с использованием древней библейской формы окончания. В этом байте, как и в первом, аллитерация с акцентом на шипящий звук «ш», который повторяется во всех трех внутренних частях. Внутренняя рифма וְרִן (рун).

4. Я воспою благодти / с песнопениями на аламот / простирающему земли, / как откидывающему полог, //

«Аламот» — неидентифицированный музыкальный инструмент, упоминаемый в Библии (Пс. 46[45]:1). В Синодальном переводе Библии: «На музыкальном орудии Аламоф». Внутренняя рифма מוֹת (мот).

5. Помещающему обитель всего / милостью Своей в мудреца, / И Господь, живой и всемогущий, / без всякого изъяна. //

Слово חָכֹל переводится в данном контексте в соответствии с его значением в Талмуде — «всесторонне образованный человек», «мудрец» (ср., например, Вавилонский Талмуд, трактат «Сота» («Свернувшая с праведного пути»); ивр. טוֹט 9:9). Внутренняя рифма כּוֹל (кол).

6. Основа души, / чистой и прекрасной — / в законе Божьем и мудрости, / с небес посеянной. //

Внутренняя рифма מַא (ма).

7. Скорбная душа / закрыта и заперта — / ведь она разгневана / и в преисподнюю заключена, //

Внутренняя рифма, как и в предыдущем *байте*, מַא (ма).

8. Ее удел — позор / и угрозы, бесчинства, / и гнев и ярость; / воздаются [её деяния] злом. //

Внутренняя рифма, как и в четвертом *байте*, מוֹת (мот).

9. Узрите же книги, / что дороже всякого добра, / и с ними праведники / с растерзанной душой. //

В оригинале словосочетание אִתָּם, которое можно переводить как предлог с местоименным суффиксом 3. л. м. р. («с ними») и как существительное «народ» с таким же суффиксом. Тогда второй вариант перевода: «а народ их». Такой перевод отсылает нас к словосочетанию «народ книги», но кажется более искусственным. Внутренняя рифма רִימ (рим).

10. В Ихаре завершены, / и в печати милы, / и возвышенный Закон / в них заключен. //

Внутренняя рифма מִימ (мим).

11. Души удостоятся [благ], / обвинения очистятся — / покупайте же и укрепляйте / их руки рассеченные, //

Внутренняя рифма כּוּקוּ (ку). В этом *байте* внутренняя рифма построена по фонетическому

соответствию с переменной согласной, что в принципе допускается квантитативной метрикой, но считается менее сложным приёмом.

**12. Ибо все их ремесло / лениво плетется / из-за
нехватки работников, / ведь карман их дыряв. //**
Внутренняя рифма םל (там).

**13. Как чудо оно всякому, / письмо их красиво, /
точно выверено, / а ныне испорчено... //**
Внутренняя рифма ןפ (пе).

**14. «Свет мне Господь» / год. К народу моему /
призови же во дни мои / приближение искупле-
ния! //**

Год передается числовым значением отмеченных графически букв (1 + 6 + 200 + 30 + 10) в парафразе из Библии (Мих. 7:8). В оригинале текст начинается со слова «Господь». Год 247 по малому счету по летосчислению от Сотворения мира соответствует 1486–1487 гг. Внутренняя рифма ם (ай).

**15. Скитающиеся в изгнании, / пораженные
унижением, / лишениями да бедностью, / подобно
нечистой прокаженной. //**
Внутренняя рифма לול (лут).

**16. Пусть же [эти] книги, / плод [мудрых] из-
речений, / пробудят паству / [начать] к их земле
[обетованной] движение. //**
Внутренняя рифма ם״ר (рим).

**17. Господь мой «великий и возвышенный», /
пощади же, сжался / над народом уставшим, /
истерзанным и измученным, //**

«Великий и возвышенный» — цитата из пророчества Исайи (6:1). В библейском тексте эти слова относятся к описанию престола Господа. Внутренняя рифма כְּשֶׁה־סָ (са) построена лишь на фонетическом соответствии с переменной согласных.

**18. Удрученным в беде, / проклятем проклятым, /
лишенным мужества, / растерзанным и смущенным. //**
Внутренняя рифма רָ (ра).

**19. Поддержи же [дщерь Израиля] отвергнутую, /
изгнанную далеко. / Закону [ее грозит] беда, / она
же бродит да скитается, //**
Внутренняя рифма חֻקָּה (хука).

**20. Дни ее беспросветны. / [Пребывающий] в ро-
сах вышних, / открывающий сокрытое / и обучаю-
щий знанию. //**

Последние два слова колофона возвращают нас к названию сочинения יוֹרֵה דַעַה («Обучающий знанию»). Внутренняя рифма מִים (мим).

ЭПИЛОГ

Как мне кажется, самое сложное в работе историка (и востоковеда в первую очередь) — это влезть в «чужую шкуру». Понять чувства и мысли давно жившего человека, попробовать отделить литературные штампы от искренних чувств и помыслов, дань традиции и жанру от крика израненной души. Иными словами, научиться читать древний текст между строк, как мы когда-то читали советские газеты. Именно так я всегда пытался читать колофоны еврейских инкунабулов, стараясь проникнуть во внутренний мир еврейских мастеров, живших более пятисот лет назад.

Этот колофон, честно говоря, очень давно волновал меня, — как волнуют фотографии или письма людей, которые еще не знают своей страшной судьбы (а ты-то ее уже прекрасно знаешь!), но уже предчувствуют... Мог ли предположить Элиезер Алантанси, что всего через пять лет после написания этого колофона прекратится многовековая еврейская цивилизация Испании? Часть его братьев смирится с новой судьбой, они станут католиками поневоле — так называемыми «марранами». Многие выберут горькую судьбу скитальцев и отправятся в иные «палестины» (и далеко не все дотуда доберутся); книги их погибнут, дома перейдут в чужие руки... Затеряется в этом водово-

роте и наш герой — печатник-поэт Алантанси. К тому времени евреи уже многие сотни лет жили в изгнании («галут»), ожидая избавления и отмщения. $\text{שָׁמַע יְיָ קוֹל דְּמִוּתִי}$, «Господь отомстит за его кровь») — нередкая эвлогия в виде аббревиатуры, которую можно увидеть рядом с именем усопшего в еврейских средневековых (и не только) текстах; это означает, что её обладатель принял смерть за веру.

Главный же вопрос, который не давал мне покоя: почему мастер решил вернуться к старинной стихотворной форме и, нарушив устойчивую традицию стиля колофонов сефардских рукописей, начал писать рифмованные тексты с использованием количественной просодии, «золотой век» которой давно прошел? И вдруг я подумал: может быть, Алантанси в 1486 г. ощутил тот же импульс, который ощутили через пять столетий его далекие потомки в сердце Российской империи — надменном и холодном Петербурге? Захотелось отвернуться от унылого настоящего и повернуться к блестящему прошлому, ощущаемому как символ возрождения в будущем?

Элиезер, сын Авраама Алантанси выбрал для этого стихотворную форму колофонов первопечатных книг, а евреи Петербурга — архитектурное решение Хоральной синагоги...

*Деревня Яковлево
(Ленинградская область),
Санкт-Петербург
май-июнь 2021 г.*

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД КОЛОФОНА

Я к мудрейшим взываю — слова подберите и песни сложите
на все времена,
Эту радость воспойте, сердца ей откройте, Закона князья —
ваша доля славна!
Ликованьем откликнутся лица людские, откроется Лик им
в сей книге сполна,
И я вновь восхваляю этот Лик без изъяна, и пусть *аламота*
мне вторит струна!
Если полог откинет Господь всемогущий — раскинутся земли,
и грань неясна...
Зрит опору душа в величайшем Законе и в мудрости вечной,
что свыше дана.
Если ж полнится скорбью, пропитана гневом — закрыта душа,
в преисподней она:
Растерзает позор, разорвет её ярость — грядущей угрозой
душа сражена...
Благодарно примите бесценные книги, и разум воспрянет
от мрачного сна!
Есть высокий Закон на печатных страницах сей книги —
в Ихаре она издана,

Насыщенье уму, наслажденье душе — покупайте же книги,
нам помощь нужна!
А работников мало, в нужде ремесло — ведь карман их дыряв,
и работа трудна.
Линовали любуясь, листали любя, — но лишенья сломили,
и порча видна...
А сей год обозначу как «Свет мне Господь» — не дозволю
нам испить нашу чашу до дна!
Несказанно несчастен скиталец-народ, его жизнь униженья
и горя полна,
Так пускай наши книги людей позовут в вожделенную
землю, что им суждена!
Адонай, снизойди и на помощь приди, свой народ пощади —
его участь мрачна:
Настрадался, истерзан, измучен вконец, даже слабой
надежды душа лишена!
Собери свою паству, Закон укрепи, ведь с Тобой и лихая беда
не страшна!
Излучаешь ты свет, указуешь нам путь, обучаешь нас знанью
во все времена!

SUMMARY

Forty years ago, I began to describe the collection of Hebrew incunabula of the Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (today called the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences). Since then and until today, I have constantly returned to this subject. I managed to issue several catalogues and to publish more than 50 articles on the Hebrew incunabula. But, strange as it may seem, a very small group of 140–150 editions of Hebrew incunabula still reveals to me some new facets for research. This book is devoted to one such aspect, namely to the literary form of the Sephardic colophons, or more specifically to colophons written in the form of quantitative poems.

The emergence, flourishing, and completion of the era of quantitative secular Hebrew poetry is an exceptional phenomenon in the context of the overall development of Jewish culture. The uniqueness of this phenomenon is determined primarily by the general cultural context: secular poetry in Hebrew was born at a time when everything new that was included in the Jewish culture was created in the Judeo-Arabic language. With the new language for Jewish culture, new genres came to Jewish literature. Jewish philosophy and linguistics were created in Judeo-Arabic, and exegetics and Halakha continued to develop in it. The only exception was secular poetry,

which became a completely new phenomenon in Jewish culture. It originated entirely under the influence of Arabic poetry, using the prosody principles of Arabic poetry and adapting its inherent poetic genres. That is why it would be natural to assume that the “Jewish troubadours”, the authors of bacchanalian songs, erotic verses, military hymns, love elegies or landscape lyrics, inspired by Arabic samples, would have also had to create their own original works in Arabic, as did the Jewish philosophers and philologists. But this did not happen in the field of poetry; the language of the Holy Scripture was not inferior to the language of the Koran!

The emergence or even more precisely the invention of new Jewish poetics is associated with the name of Dunash ben Labrat (10th century). Dunash ben Labrat was born in Fez (Morocco). At a young age he studied with the great Jewish thinker Saadia Gaon in Baghdad and later moved to Cordoba in Andalusia. Apparently, even in the Baghdad period, Dunash ben Labrat formulated principles of adaptation of the Hebrew language to Arabic prosody. The new quantitative poetics had nothing in common with the biblical prosody and can be called Jewish Arūd. Thanks to this invention, Jewish poetry in a very short time was enriched with extremely diverse variants of poetic meters, and, of course, new rhythms, motifs and themes.

The Golden Age of Hebrew quantitative poetry is the period of the 11th–12th centuries. During this period, the Andalusian Diaspora was by far the richest and fastest growing Jewish community in the world. The heyday of secular lyrics is associated with the names of Samuel ha-Nagid (993–1055-56), Solomon Ibn Gabirol (1021-22–1057-58), Moses Ibn Ezra (before 1055–1135-40) and

Judah Halevi (before 1075–1141?) and their numerous contemporaries. In the Golden Age, the genre diversity of secular poetry significantly expanded; the number of poetic meters and their variability (within one meter) increased.

However, after the 12th century, the interest in quantitative poetry gradually decreased, and was partially replaced by a new genre, also borrowed from the Arabs, *maqama* — picaresque short stories, a prosimetric literary form which alternates rhymed passages with intervals of prose. The brightest representatives of this genre are Judah Al-Harizi (c. 1170, Toledo–1125, Aleppo) and Isaac Ibn Sahu-la (1244–after 1284). It is worth noticing that the interest in secular poetry decreased, to some extent, in accordance with the political and economic deterioration of the Jewish community and the gradual movement of the Jewish population to the Christian parts of the peninsula. In 1391, a number of bloody pogroms swept across the Iberian Peninsula and, as a result, a wave of forced baptisms of the Jewish population. The economic deterioration of the community and bloody pogroms, as a rule, contribute to the development of a mystical perception of modernity and messianic sentiments, which are reflected in the works of liturgical poetry rather than secular lyrics. It seemed that the era of flourishing Jewish secular poetry was over.

However, a hundred years later, just in the last decades before the expulsion of the Jews from Spain (1492) and Portugal (1497), quantitative poetry unexpectedly experienced the last poetic rise in the Iberian Peninsula. This rise went completely unnoticed in the history of the development of Hebrew literature, and this small book is literally the first attempt to understand the phenomenon

in the context of the development of Hebrew literature in the late Middle Ages.

This latest rise of quantitative poetry in the Iberian Peninsula is directly related to the emergence of Hebrew printing.

The period of incunabula as applied to the Hebrew book is measured in just three decades. During this extremely short historical period, Jewish printing existed in Italy, Spain, Portugal, and Turkey (according to today's political divisions) in at least 18 places: In Italy (Rome, Pieve di Sacco, Reggio di Calabria, Mantua, Ferrara, Bologna, Soncino, Casalmaggiore, Naples, Brescia, Barco), Spain (Guadalajara, Íxar, Zamora), Portugal (Faro, Lisbon, Leiria), Turkey (Constantinople).

Hebrew incunabula account for less than 0.5% of all publications of the incunabula period. However, the significance of the Hebrew incunabula for the development of European printing and for the understanding of Jewish spiritual life in Renaissance Europe cannot be overestimated. In the context of the general history of printing, it is important to note that the Hebrew incunabula were the first group of publications printed in non-Latin graphics; it is with the publication of Hebrew books that the general history of printing in Portugal and Turkey begins; in Pieve di Sacco, Reggio di Calabria, Soncino, Casalmaggiore, Barco, Guadalajara, Íxar, Zamora, Faro, Leiria, and in Constantinople, Hebrew printing houses were the only hotbeds of printing in the fifteenth century.

Today, it is believed that the birthplace of Hebrew printing is Italy and this event should be dated approximately 1469–1470. Probably at the same time, or just a couple of years later, Hebrew printing appeared in Spain. In any

case, it can be noted that the first dated books appeared in Italy and in Spain with a difference of one year (in 1475 and 1476, respectively). In Spain, Hebrew printing houses existed in three cities: Guadalajara, Íxar (Higar), and Zamora. The earliest Hebrew book containing a date in the colophon — the commentary of Solomon ben Isaac (Rashi) to the Pentateuch — was published in Castile, in the city of Guadalajara, in 1476¹. Solomon Alkabez published quite a lot of books², but only three of his editions have been dated, which gives us an approximate understanding of the chronological framework of his printing activities. These are the above-mentioned commentary of Solomon ben Isaac 1476 (?), a halakhic writing of Jacob ben Asher 1480³, and David Kimhi's commentary on the Latter Prophets of 1490⁴.

Another place where a Hebrew printing house existed was the Castilian city of Zamora. We have only the vaguest idea of the time when Hebrew printing began in Zamora. Only one copy of the only edition has been preserved —

¹ Guadalajara, the printer Solomon ben Moses ha-Levi Alkabetz, Elul 16 (5)236, i. e. September 5, 1476.

² Dr. Adri Offenbergh, a prominent Dutch researcher of incunabula, listed 15 incunabula printed by Shlomo Alkabetz (Hebrew Incunabula in Public Collections. Nieuwkoop, 1990: 187). I have studied *de visu* 12 books and fragments of his editions.

³ Jacob ben Asher, Choshen Mishpat (חושן משפט, Breastplate of Judgement), one of the four sections of a treatise on halakha Arba'ah Turim. Printed in Guadalajara by the printer Shlomo Alkabez, Tevet 22–27, (5)241, i. e. December 24–30, 1480).

⁴ David Kimhi, Perush Nevi'im Akharonim (פירוש נביאים אחרונים, Commentaries on the Latter Prophets). Printed in Guadalajara by the printer Solomon Alkabez, (5)242, i. e. 1482.

the commentary on the Pentateuch by Solomon ben Isaac mentioned above. Indeed, the publication is dated, but the date is given in the colophon in the form of a Gematria with the letters of the word זמרה (chant), which leaves us with two possible variants of the year: the most likely is the date on the small account, that is (5)252 (1492), and the less likely, but still possible is the date on the large account, that is 5247 (1487).

The third and last of the precisely-known spots on the route of Hebrew printing in Spain was Íxar (Híjar) the central city of the newly formed duchy (1483) in the Aragonese Kingdom. Perhaps the most amazing Hebrew printing house of the 15th century operated in this town with a small Jewish community, namely the printing house of Eliezer ben Abraham Alantansi. Today we know of five books printed there: the first two *Turs* of Jacob ben Asher, two editions of the Pentateuch, and one edition of the Latter Prophets. Of these five editions, four are dated; accordingly, the dates of publication of the earliest and latest of these books can outline to some extent the periodization of the work of the printing house in Íxar: the first *Tur* was completed in August-September 1485, and one of the editions of the Pentateuch in July-August 1490:

1) Jacob ben Asher. Orach Chayim (אורח חיים, Way of Life). 12.08–9.09. 1485;

2) Jacob ben Asher. Yoreh De'ah (יורה דעה, Teacher of Knowledge). 1486–1487;

3) Latter Prophets. 1486/87;

4) Pentateuch with passages from the books of the Prophets and the Five Scrolls. Sine anno (1487–1488?);

5) Pentateuch with a translation into Aramaic and commentary by Solomon ben Isaac (Rashi). August 19 — September 17, 1490.

All editions of Alantansi are distinguished by an amazing elegance. This applies to the shape of the letters, and to the layout and decor elements. Talking about Eliezer Alantansi, it should be added that he was the first (and in the 15th century the only) Jewish typographer who had his own typographic logo, a shield with an image of a lion standing on its hind legs

The three colophons are written by Eliezer Alantansi in the form of quantitative poems and represent a perfect illustration of the renaissance or the last rise of the genre of secular poetry in Spain. I find it difficult to clearly define the exact poetic genre of the Alantansi's colophons. To illustrate the story of Hebrew poetry and the origin of printing, I have chosen the most difficult text from the point of view of poetic prosody, the colophon of the edition of the *Teacher of Knowledge* of 1487. The distinctive features of this colophon can be formulated as follows:

This is the only one of all the quantitative colophons that is written in an extremely complex poetic meter of *ha-mitqarev*. Within this meter, the author chose the complicated structure of “tetrahedron”: each stanza is divided into four parts. The first, second and third parts rhyme with each other, while the fourth part ends with a single enclosed rhyme of the entire poem. The colophon is written in the form of an acrostic with the author's name: אני אליעזר בן אלאתאנסי (I, Eliezer ben Alantansi). All rhymes, both internal and enclosed, are complex, in which two or more syllables are rhymed. In the text of the poem there

are homonyms. In some lines, alliteration is used, which gives a special rhythm to the line. Elements of the mosaic style are used in the text. The year of publication of the book is indicated in the form of a chronogram.

The colophon includes the following elements: an appeal to the sages, praise to the Almighty, a call to pay attention to this book and support the God-pleasing work of printing, bibliographic data, a description of the disasters and wanderings of the Jewish people in the diaspora, hope for the speedy arrival of deliverance, a final appeal to the Lord with a request for mercy and for admonition of the people.

The book contains the full text of the colophon in Hebrew, its literal translation into Russian with a commentary, and a poetic translation of the text made by my beloved wife Elena Yuzbashyan.

I have dedicated this book to two generations of my family, scattered across different countries and continents, with the hope that some of them will be able to read it in Russian, or at least this summary in English.

АВТОРСКИЙ КОЛОФОН

Я, самый малый в своем роду, Шимон, сын достойного глубокоуважаемого истинно праведного Мордехая Якерсона, да будет память о нем благословенна, и глубокоуважаемой истинно праведной Свиры Израилит, да будет память о ней благословенна, написал эту маленькую книжицу, дабы рассказать моим друзьям, родственникам и домочадцам о том, чем я занимался последние сорок лет своей земной жизни, с момента, как я ступил на стезю труда и до сегодняшнего дня. Все эти годы я, по мере сил, служил «еврейской букве»: учил еврейский язык, читал еврейскую литературу, изучал и описывал еврейскую книгу. И, как умел, передавал свои знания другим — устными рассказами, статьями, каталогами и книгами.

Завершена была эта книжица в месяц сиван года 5781 от Сотворения мира, который является 529 годом от изгнания братьев наших из Испании и 534 годом от издания в Ихаре той книги, колофону которой посвящен этот труд, и вторым годом страшной эпидемии коронавируса, охватившей наши земли, и 2021 годом по летосчислению, принятому сегодня в любезном моему сердцу граде Петербурге, стоящем на берегах реки Невы.

אני הדל באלפיי, שמעון בן כבוד רבי ומורי מרדכי זצ"ל יקירסון וכבוד מורתי הצנועה סווירע יזראיליט זצ"ל חיברתי את הקונטרס הזה לספר למיודעי, לשארי בשרי ולבני משקם מה העסיקני בארבעים השנים האחרונות. מאז טעמתי טעם המלאכה בימי חורפי ועד עצם היום הזה. כל השנים האלה אני כמיטב יכולתי שירתי ל"אות העברית": למדתי לשון הקודש, שקדתי על קריאת ספרות יפה מימי הביניים, חקרתי ותיארתי את הספר העברי. וגם כפי כוחי הייתי מקנה את ידיעותי לאחרים – גם בעל פה וגם בידי המאמרים, הקטלוגים והספרים שכתבתי.

נשלם קונטרס זה בחודש סיוון שנת ה'תשפ"א לבריאת העולם, אשר היא שנת תקכ"ט לגירוש אחינו מספרד והיא שנת תקל"ד מאז נדפס באיחאר הקולופון שהוא המושא למחקר הצנוע הזה והיא שנה שנייה למגפת קורונה האיומה שפגעה בארצנו וארצות אחרות והיא שנת ב'כ"א לפי המניין שאנו מונים פה בעיר פטרבורג תוב"ב האהובה עלי דמותבתא על גדות הנהר נייה.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Как все началось	7
Изобретение еврейского <i>аруда</i>	11
Еврейское книгопечатание в XV в.	21
Еврейское книгопечатание в Испании	24
Я, Элиезер бен Авраам Алантанси.	29
Колофон колофонов	32
Эпилог	40
Поэтический перевод колофона	42
Summary	44
Авторский колофон	52

CONTENT

How it all started	7
Invention of the Hebrew <i>Arūd</i>	11
Hebrew printing in the 15th century	21
Hebrew printing in Spain	24
I, Eliezer ben Abraham Alantansi	29
The colophon of colophons	32
Epilogue	40
Poetical translation of the colophon	42
Summary	44
Author's colophon	52

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЯКЕРСОН СЕМЕН МОРДУХОВИЧ

РАССКАЗ ОБ ОДНОМ КОЛОФОНЕ

Штрихи к истории еврейской поэзии и книжной печати

ISBN 978-5-85803-570-19
(Петербургское Востоковедение)

Макет подготовлен издательством
«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 2
e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

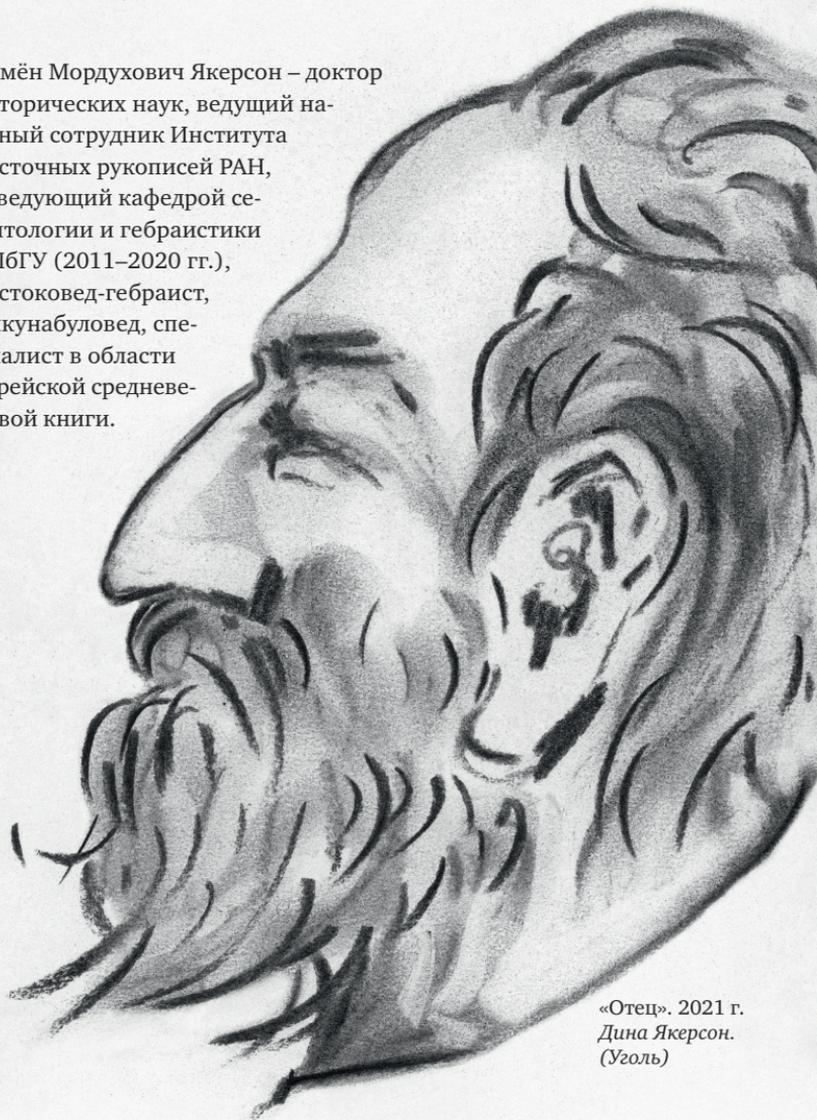
Редактор и корректор — *О. И. Трофимова*
Технический редактор — *Е. М. Денисова*
Оформление обложки — *И. Т. Картвелишвили*

Подписано в печать 25.07.2021. Формат 70 × 108 ¹/₃₂
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 3,5 усл. печ. л.
Тираж 150 экз. Заказ № 121

PRINTED IN RUSSIA

ООО «Литография Принт»
г. Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8, офис 14
www.spbprinting.ru
тел. +7 (812) 712-02-08

Семён Мордухович Якерсон – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института восточных рукописей РАН, заведующий кафедрой семитологии и гебраистики СПбГУ (2011–2020 гг.), востоковед-гебраист, инкунабуловед, специалист в области еврейской средневековой книги.

«Отец». 2021 г.
Дина Якерсон.
(Уголь)